
ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена 70-летию со дня рождения выдающегося пианиста, народного артиста России, профессора Санкт-Петербургской консерватории Павла Григорьевича Егорова. Его жизнь протекала столь стремительно и интенсивно, что в ее сюжете невозможно поставить точку и сейчас, спустя почти год после ухода музыканта. Неиссякаемая энергия Павла Григорьевича властно проявляла себя во всем: помимо исполнительства и педагогики, это участие в работе жюри конкурсов, мастер-классы, наконец научная и редакторская деятельность. Неповторимые обаяние и юмор, общительность и доброжелательность, но одновременно принципиальность во всем — таков облик Маэстро, о котором теперь говорят воспоминания коллег, учеников и друзей.

В настоящий сборник вошли избранные материалы, отображающие разные грани деятельности Павла Григорьевича¹. Это интервью, которые музыкант давал в разные годы, его собственные статьи, отображающие необычайно широкий круг интересов пианиста, в их числе творчество Р. Шумана, Й. Гайдна, С. Слонимского, вопросы исполнительской интерпретации и педагогики, музыкальной текстологии. Отдельно представлены рецензии на концерты и аудиозаписи музыканта. В каждом из разделов материалы расположены в хронологическом порядке. В конце книги приводится список избранных

¹ Воспоминания коллег, учеников и друзей музыканта планируется представить в отдельном издании.

записей на CD, а также нотных изданий, выполненных П. Егоровым.

При публикации сохранены стилистические и орфографические особенности первоисточников, явные ошибки исправлены безоговорочно, редакционные изменения отмечены в подстрочных примечаниях (последние были внесены при подготовке текстов к настоящему изданию, кроме статей: *Егоров П.* Роберт Шуман — глаштат «Давидова братства» и *Егоров П.* Шифры и ребусы в фортепианной музыке Шумана: эготон¹). Там же указаны сведения о поддающихся атрибуции цитатах, использованных в текстах, а также необходимые уточняющие комментарии. Фотоматериалы предоставлены из личного архива музыканта Татьяной Александровной Отюговой, принимавшей участие в составлении сборника вместе с Н. Качаевым.

¹ Составитель сборника выражает благодарность проректору по научной работе Санкт-Петербургской консерватории Н. А. Брагинской за предоставление данных материалов, а также благодарность всем авторам статей раздела «Рецензии», давшим согласие на их публикацию.

**IN PRINCIPIO
ERAT MUSICA**

ДРАГОЦЕННЫЕ КАЧЕСТВА¹

*К*то возьмется объяснить, что за непостижимость — сцена. И это ежевечернее «единоборство» с залом. И с роялем, который каждый раз надо подчинять заново. И с собой. Со своим состоянием и настроением, которыми так трудно научиться управлять. Сцена — и нет ничего за плечами: ни того, что было сделано вчера, ни предыдущих достижений, ни прошлых завоеваний. Есть только сегодня — этот решительный и единственный миг... Взяты первые аккорды — без позы, без взглядов в потолок и размышлений. Эти первые минуты — пережить их, а дальше музыка, подлинная его стихия, завладеет им и сама его вынесет, что бы ни случилось. И сколько сердца, сколько крови надо на каждый такой вечер...

Чем привлекает искусство Павла Егорова на первый, даже самый поверхностный, взгляд? В его игре — конфликты сегодняшнего дня, нервная его подвижность, тревожность, не интуитивное, а осознанное стремление к свету. В его музыке нет ничего поверхностного, но есть живые человеческие слезы и боль, и высокая простота, слагаемые которой отнюдь не просты. Музыкальный мир пианиста предстает исполненным высокого внутреннего трагизма, однако совсем не безнадежным, наоборот, жизнеутверждающим, мужественным и цельным. Эта целостность — следствие незамкнутости в ремесле, широкого и всеобъемлющего отношения к жизни, лишенного надрыва и надлома.

¹ Опубликовано: Советская культура, 12 декабря 1980, № 100 (5420). В настоящей книге публикуется по данной версии.

В концертной жизни нашей страны ленинградцу Павлу Егорову принадлежит особое место. С первых же выступлений он заявил о себе как о незаурядной личности.

Павел Егоров с детства хотел стать музыкантом и стал им. Нельзя сказать, что пианист следовал пути, выбранному однажды, хотя поразительная музыкальность жила в нем изначально. Решающим и поворотным событием в своей судьбе он сам считает встречу с Марией Вениаминовной Юдиной. Не приемы ремесла, не основы профессии открыла она ему, но мудрое знание того, что музыка — это великая правда и нести ее людям можно, лишь каждый раз заново сгорая на ее огне. Столь же священное отношение к искусству Егоров открыл для себя и в записях Владимира Владимировича Софроницкого.

С благодарностью вспоминает он своих учителей Татьяну Петровну Николаеву и Веру Васильевну Горностаеву.

Еще студентом Егоров завоевал звание лауреата на VI Международном конкурсе имени Шумана в Цвиккау, где получил первую премию и золотую медаль. Это и послужило началом его известности. В следующем году молодой пианист в составе делегации ЦК ВЛКСМ едет в город Галле на Фестиваль дружбы советской и немецкой молодежи. Он удостаивается диплома правительства ГДР «за выдающиеся достижения в искусстве». После окончания Московской консерватории Егоров возвращается в родной город и становится солистом филармонического отдела Ленконцерта. В музыкальную жизнь Ленинграда он вписался естественно, сразу завоевал любовь и искренние симпатии публики. На сольные его вечера не так-то просто попасть, и с каждым разом резонанс от них все значительнее.

Игру Егорова никогда не отличала внешняя виртуозность. Его техника — не самоцель, не ею он хочет и стремится покорить аудиторию. Техника естественно и органично вытекает из образа и настроения, она одухотворена и опоэтизована. Его музыкальная интонация осмысlena и выразительна необычайно, что

характерно именно для русской исполнительской школы. Эта интонация способствует тончайшей фразировке, всегда присутствующей в исполнении Егорова.

Одним из достижений молодого пианиста в этом смысле можно назвать концерты ре минор и ля мажор Моцарта, в которых музыканту нет возможности спрятаться ни за технику, ни за показное владение инструментом. Совершенное артикуляционное мастерство Егорова здесь как нельзя лучше гармонирует с фактурной ясностью моцартовской музыки. Эта ясность речи и абсолютная завершенность формы выявляют особый духовный настрой музыки. В результате музыканту удается передать ту высокую стильность концертов, которая часто теряется в самых виртуозных, технически безукоризненных прочтениях.

Эта чистота стиля ощущима особо, когда за пультом Владислав Чернушенко. Союз дирижера и пианиста уже не первый год радует ленинградцев. В минувшем сезоне с симфоническим оркестром филармонии под управлением Чернушенко Егоров сыграл Концерт до минор Рахманинова, и в исполнении его поразила сходность мировосприятий двух музыкантов, их близость в ощущении смысла и природы русской музыки.

Откровение большого таланта неотделимо от открытия человеческого. Этому впечатлению способствуют, конечно же, и высокий артистизм исполнителя, и сценическая его манера (когда Егоров за роялем, не покидает ощущение удивительного единства, слитности и «взаимопонимания» артиста и инструмента), и редкая интуиция, которая никогда не позволяет ему дважды сыграть одинаково одно и то же произведение.

Впрочем, эта черта — не удовлетворяться однажды найденным — для Егорова особо характерна. Казалось, пойди он по линии наименьшего сопротивления, шлифуй и совершенствуй то, чего достиг в юности, — и успех обеспечен. Или береги силы и сделай каждый свой концерт редкостью, готовь его медленно и скрупулезно — и все отзывы слились бы в восторженный гул. Но пристрастия

его разнообразны, диапазон интересов огромен, беречь и рассчитывать силы он не умеет. Потому играет часто, много, каждый раз с предельной отдачей, никогда не повторяя в одном городе программы. И, может быть, отсюда некоторая неровность его концертов, как заметил один из рецензентов, «отсутствие сделанности, в какой-то мере безупречности в его исполнительстве». Но эти черты заключены в самой сути его искусства, для которого характерно определенное импровизационное начало.

Характерно и то, как строит музыкант свои программы: в них нет ничего случайного, отвлекающего. Обычно они составляются исполнителем с таким ощущением их формы, возможностей слушательского восприятия, что концерт неизбежно воспринимается как единое и неделимое целое, несущее в себе определенную идею, заключенную в основном произведении. Остальное же или опоясывает его, давая тем самым возможность произведение это осмыслить наиболее полно, или же, постепенно подводя к нему, делает его подлинной кульминацией вечера.

Успех Егорова, особенно у молодой аудитории, связан еще и с тем, что за роялем пианист остается человеком, причастным к глубинным проблемам сегодняшней нашей жизни. Это ценно особо, ведь профессионализм в искусстве сейчас очень высок, однако в нем ощутимо не хватает порой живого человеческого голоса.

Упомянутое сочетание проявляется во всем, что делает Егоров, но, наверное, наиболее очевидно в его сегодняшнем Бахе, которого пианист играет настолько живо, горячо и современно, что становится осязаемой и зримой связь великого композитора с современностью, с гармониями и ритмами, любимыми молодежью. Не случайно один из недавних своих концертов он посвятил Баху и музыке нашего века. При всем том Бах сыгран Егоровым с жесткой и совершенной логикой и трактован отнюдь не произвольно.

Егоров играет концерты-монографии, посвященные Бетховену, Моцарту, Шопену, Скрябину, Шуману, он

обращается к музыке старинной — к Гансу Нойзидлеру и Джованни Песчетти¹, он интересуется музыкой современной, с удовольствием играет молодых композиторов. Концерт для фортепиано с оркестром ленинградца Владимира Сапожникова звучал в исполнении Егорова на первом смотре молодых композиторов Ленинграда.

Одна из последних сольных программ пианиста включала Вторую сонату Д. Д. Шостаковича и Шестую сонату Бориса Тищенко. К этой программе он шел долго, она возникла как результат серьезных раздумий о современной музыке. Склонного к постижению философских по-лотен Егорова не могло не привлечь то, что и сочинение великого художника (посвященное его учителю Леониду Николаеву), и сочинение его ученика посвящены сложнейшим жизненным коллизиям, вечным непреходящим проблемам жизни и смерти.

Успех Егорова растет от концерта к концерту. В начале нынешнего сезона в Большом зале Ленинградской филармонии он исполнил баллады и двадцать четыре прелюдии Шопена, а недавно в Капелле вместе с лауреатом международного конкурса Юрием Лисиченко открыл цикл концертов-бесед, посвятив первый вечер Моцарту. Это был праздник музыки, праздник высокого исполнительского творчества, адекватного авторскому. По таким вечерам мы выверяем критерии, которыми и руководствуемся в оценке достижений нашей концертной жизни.

Пианист ищет много, щедро и широко, каждый раз поражая нас своими находками и открытиями. И здесь интересен сам процесс поисков, поскольку Егоров не отрицает себя вчерашнего (путь в искусстве достаточно распространенный), делая еще более зрымыми, более выпуклыми те драгоценные качества своего пианизма, которые были отмечены всеми, слышавшими первые его концерты.

Олег Островский

¹ Hans Neusidler — немецкий композитор, лютнист и педагог XVI в.; Giovanni Battista Pescetti (Пешетти или Пескетти) — итальянский композитор XVIII в.

ИНТЕРВЬЮ

В ИСПОЛНЕНИИ ПАВЛА ЕГОРОВА¹

Сто первое знакомство с Казахстаном более десяти лет тому назад началось с «конфликта». Поставила слово «конфликт» в кавычки и тут же подумала: а зачем, собственно, закавычивать. С конфликта так с конфликта.

— Давайте с него и начнем, Павел Григорьевич, нашу беседу. Согласны?

— Почему бы нет! Праздник есть праздник, каковыми, несомненно, являются Дни Ленинграда в Казахстане. Но мы не должны уходить от проблем, заострять внимание на которых надо и в будни, и в праздники. Да, первая моя творческая поездка по некоторым городам вашей республики — я должен был дать концерты фортелианной музыки в Чимкенте, Джамбуле и других городах — вылилась в выступление далеко не концертное. А газетное. Студентом пятого курса консерватории с самыми серьезными намерениями и хорошим настроением ехал я с концертной программой в Казахстан. И скажу: был буквально потрясен состоянием филармонической работы в областях. Мне с удовольствием, даже с каким-то удовлетворением (от исполненного долга?), что избежали скандала, ставили печати, штампы, отмечая концерты, которых... не было. Сами понимаете, не по моей вине.

¹ Опубликовано: Казахстанская правда, 12 июля 1988. В настоящей книге публикуется по версии текста из личного архива П. Егорова (компьютерный набор).

После этой печальной поездки я написал в «Советскую культуру» статью «Сила любви», где ставил проблему слушательской аудитории не только по горькому опыту одной поездки. Приехав через три года опять в Казахстан, я почувствовал, что больше стали думать о филармонической работе, вероятно, не только из-за моей статьи в газете. Просто время требовало и требует иных подходов к эстетическому воспитанию людей. Острой остается эта проблема и на сегодняшний день. Острой и очень важной. Не случайно на Всесоюзной партконференции подчеркивалась мысль, что без подъема уровня духовности общества нам не поднять на должную высоту и уровень экономики. Это только на первый взгляд, поверхностный, кажется, что две такие важнейшие сферы, как духовная и экономическая, автономны, не пересекаются в своей взаимосвязи.

— Среди тех, кто приходит на ваши концерты, есть знатоки серьезной музыки; немало и таких, кто еще только на подходе к ней и стремится понять и пропустить через себя; бывают, вероятно, в зале и те, кто откровенно не признает ее, попав на концерт либо случайно, либо из простого любопытства — посмотреть, к примеру, на лауреата столь престижного международного конкурса, как имени Шумана, каковым вы являетесь, получив в свое время первую премию. Словом, аудитория — самая разношерстная, если не как правило, то и нередко. Все ли равно вам играть для аудитории в 300 человек или когда в зале лишь 30 человек, но истинных ценителей музыки?

— Ответить не так просто. Вообще-то я могу играть, и с удовольствием, и для трех слушателей, равно как и для одного, потому что для меня, как музыканта, важен сам процесс общения с музыкой. Но, конечно, приятнее разделить его еще с кем-то, вызвать в душах как можно большего числа слушателей те или иные жизненные ассоциации,озвучные их чувствам, помыслам, высокому

эмоциональному состоянию... То, что не подвластно рок-музыке. В этом я убежден, потому что она, несомненно, вторична. Хотя есть и у нее мыслящие музыканты. С уважением отношусь к Борису Гребенщикову. К его музыкальной деятельности не подходит определение, бытующее сейчас, что рок-музыка — «музыка для ног». Кстати, в балете тоже, говоря образно, все уходит в ноги, но при этом рождается Прекрасное!

Допускаю, что для некоторых посещение концерта серьезной музыки так и останется одним-единственным, а это значит, что воздействия музыки не произойдет, возможно, никогда и после. Но эти потери, как говорится, неизбежны. И более важны — приобретения. Однако потерять было бы меньше, если бы мы умели «торговать» — в самом высоком смысле этого понятия — филармоническим искусством.

— Под этим надо, видимо, понимать умение сделать рекламу тому или иному концерту, отдельному исполнителю, основательность пропаганды серьезной музыки в целом, поиск для этого интересных форм, чтобы этим занимались не случайные в искусстве люди, как это у нас зачастую бывает, а ценители: чтобы, зазывая на концерты, люди, призванные это делать, не испытывали чувство «нагрузки», а совершали это со знанием дела, любовно, убежденные в благородной миссии приобщения масс к духовному богатству?

— В последние годы есть к этому движение, хотя еще довольно слабое. Нет опыта. А имеющийся не берется к широкому распространению. Хотя заимствовать такой опыт — дело непростое. Культуру ведь надо воспитывать в человеке изначально, приобщать к ней с малых лет — методично, страстно, традиционно, как это делается, скажем, в Прибалтике. Здесь филармонические концерты всегда проходят при полных залах.

Но отдельные положительные примеры в отдельных регионах общекультурной атмосферы не создадут. Надо

что-то менять серьезно и в корне. Надо уходить от той же уравниловки и в искусстве, жестче и решительнее подключать к творчеству финансовую основу, чтобы оценка деятельности каждого шла по таким критериям: где, что, для кого и как играет исполнитель. Уже есть некоторый опыт первых кооперативов в сфере музыкальной деятельности. На мой взгляд, это тоже движение к решению проблемы. Надо не стесняться системы менеджеров, частных антрепренеров: от спроса и рынок... Я уже не говорю о «революции», которая требуется в вопросе создания рекламы. Нынешняя — на допотопном уровне. Вообще непонятно, каким чудом при существующей сегодня рекламе еще проходят концерты...

— Есть и сопредельная с данной проблемой проблема общения, взаимопознания и взаимообогащения творчества самих музыкантов. И не только тогда, когда проходят хорошие мероприятия, как, допустим, нынешние Дни Ленинграда. А постоянный взаимообмен. Здесь ведь существует некая система замкнутости?

— Согласен. Есть в Казахстане замечательные пианисты, лауреаты международных конкурсов в Италии и Франции Гульжамиля Кадырбекова и Жания Аубакирова. С их исполнительским искусством ленинградцы практически не знакомы. По вине Госконцерта, у которого зарубежные исполнители заслоняют своих. И это надо основательно пересматривать, разрывая замкнутость творческого общения музыкантов разных регионов страны.

— Павел Григорьевич, не все так плохо, чтобы мы закончили нашу беседу на пессимистической ноте. Ваши выступления в Центральном концертном зале Алматы и в большом зале консерватории имени Курмангазы, где в вашем исполнении прозвучали произведения Скрябина, Шумана, Чайковского, доставили истинное удовольствие слушателям-алмаатинцам и гостям

столицы нашей республики. Надеюсь, и вам они принесли некое творческое удовлетворение от чувства и сознания, что к великому чуду — музыке Вы приобщили новых слушателей. О ваших ближайших планах...

— В Алма-Ату я, можно сказать, попал с корабля на бал. Прямо из Гамбурга, где принимал участие вместе с актерами Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова В. Черновым и В. Кунаковой, а также советскими учеными, экономистами в мини-фестивале «Белые ночи». Помимо концертных выступлений, где исполнял произведения русских композиторов Скрябина, Чайковского, Прокофьева, встречался с коллегами Гамбургской консерватории. Шел деловой обмен мнениями о том, что необходимы творческие контакты преподавателей и студентов наших вузов. Впереди у меня насыщенные гастроли по стране.

Беседовала С. Ягмуррова

ЭТО БЫЛО ВЧЕРА

БЕСКОРЫСТИЕ И МАСТЕРСТВО¹

Павел Егоров играет Чайковского... Этой фразы, наверное, достаточно, чтобы объяснить огромный интерес к концерту, состоявшемуся вчера в Большом зале Филармонии имени Д. Д. Шостаковича. Но многих любителей музыки привлекли не только высочайший исполнительский уровень пианиста и демократическая направленность программы, в которой прозвучали самые популярные фортепианные циклы П. И. Чайковского «Времена года» и «Детский альбом», воскресный аншлаг имеет еще и серьезную нравственную, этическую причину. Купив билет, слушатели стремились отдать свой долг благодарности гениальному композитору: весь сбор от концерта и гонорар исполнителя будут перечислены на счет № 702 Советского фонда культуры на сооружение памятника Петру Ильичу Чайковскому.

— Я с огромным удовольствием играл в этот вечер, — сказал в интервью заслуженный артист РСФСР, лауреат Международного конкурса Павел Егоров. — Отсутствие монумента Чайковскому в городе, которому он отдал многие годы жизни и где создал свои величайшие творения, — наши общие позор и боль². Память композитора вообще не увековечена в Ленинграде (если не считать памятника в некрополе), ведь носящая имя Чайковско-

¹ Опубликовано: Вечерний Ленинград, 7 марта 1988, № 56 (18446). В настоящей книге публикуется по версии текста из личного архива П. Егорова (компьютерный набор).

² Через два года после публикации статьи был установлен памятник П. Чайковскому в Таврическом саду.

го улица в Дзержинском районе названа в честь одного из деятелей революционного движения, о чем скромно умалчивают даже путеводители. И мне приятно сознавать, что в будущий памятник композитору вложена теперь и частица моего труда.

Успех концерта превзошел все ожидания. Это закономерно — его верной основой стали благородные средства, использованные для достижения возвышенной цели, а прочной гарантией — творческое бескорыстие и вдохновенное мастерство замечательного советского пианиста Павла Григорьевича Егорова.

Александр Гранат

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru